

ВАДИМ КАЗАЧЕНКО:

ЛЮБОВЬ — КРЕПОСТЬ МОЕЙ ДУШИ

В перекрестье дымящихся лучей он снова выйдет на сцену — один на один с залом. Вроде бы не привыкать, только случай тут особый: впервые в эти дни (17 — 20 марта) полтавский парень дает свои первые сольные концерты в лучшем зале столицы — в "России".

— Скажи, Вадим, что значат для тебя эти концерты? Ведь ты шел к ним долгой и трудной дорогой...

— Как солдат Киплинга из старой песни: "Чуть сон взял верх, задние тебя сомнут". А если серьезно — это для меня начало чего-то нового, не знаю пока чего. Знаешь, как в незнакомой партитуре — переворачиваешь листы и не можешь даже взглядом окинуть бегущие дальше строки, скованный тем, что надо сделать сейчас.

— И даже не предполагаешь, что таит в себе этот новый лист?

— Ну почему, есть вещи, которым не изменяешь, куда бы тебя ни пытались увести. Ты можешь измениться сам, и это нормально. Потому что нет ничего застывшего. Вернее, есть, но это — смерть. А жизнь — вечно растущее, вечно меняющееся.

— Но ты только что говорил о неких неизменных вещах...

— Это другое. Нельзя, меняясь, изменять самому себе, своей корневой сути. Когда я начинал...

— Извини, это в Полтаве?

— Да. Полтава — вообще очень музыкальный город. Многие наши ребята и сейчас работают в достаточно известных группах, в том числе с Софией Ротару. Так вот, песни под гитару были в те годы непременным атрибутом всех городских дворов. Качество исполнения, сама понимаешь, — жуть с ружьем, звуковые трилеры какие-то. Но именно тогда моя розовая детская мечта обрела контуры четкой пружинистой цели — я решил во что бы то ни стало овладеть мастерством профессионального исполнителя.

Первым шагом стало создание в рамках заводской самодеятельности вокально-инструментальной группы "Фристайл". А когда почувствовали, что переросли полтавские масштабы, стали рассылать кассеты со своими записями по разным адресам — наудачу. Так мы получили первое приглашение в Москву.

Однако еще там, в Полтаве, пришлось пройти испытания на прочность. Дело в том, что в нашем репертуаре появились этакие песни острой социальной направленности. А как раз в период правления Черненко усилился надзор за репертуарами. Ох и здорово нам доставалось тогда за эту самую социальность...

— Песни протеста?

— Ну какой там протест?! Просто молодежный вызов. Ведь это нормально, когда молодые что-то не принимают, что-то отвергают, что-то высмеивают. Так было во все времена и, думаю, будет вечно.

Но именно тогда, когда стала приходить известность, пошли приглашения, призы в хитпарадах, концерты в комплексе "Измайлово", я почувствовал — взрослею. И профессионально, и человечески. Словно шелуха, осыпавшаяся наносное, случайное. Сложилось то, что я считаю своим направлением. Это мелодия, это гармонический строй, это, наконец, ли-

рика, близкая к ее классическому пониманию, но в современной интерпретации...

— Значит, вызов, протест так и остались приметам ранней юности?

— Конечно. И вообще все эти плевки в лицо публике, эти пощечины общественному вкусу — не для меня. Через них проходят многие, почти все молодые, но задерживаются здесь либо те, кому больше нечего сказать, либо те, кто сознательно эксплуатирует низменное, животное начало в людях, грубо и просто говоря: на этом "делают деньги". Для меня же, пусть это звучит несколько банально, любовь — созидательная сила. Помнишь предсмертное прозрение толстовского князя Андрея: "Любовь есть Бог, Бог есть Любовь". Это, конечно, слишком глобально, но труд души действительно проходит через любовь. Экзюпери, например, всю жизнь укреплял крепость души своей, укреплял Верой, Надеждой, Любовью. И это не просто красивый литературный образ, это нормальный духовный человеческий труд.

А там, где дымятся духовные руины, там и вырастают все эти "Мальчишники" и прочие, которые зашибают деньги на похабине, а зритель старается привлечь голой, извини, задницей.

— Ты осуждаешь их? А как же с заповедью: не судите да не судимы будете?

— Ну, во-первых, я никого не сужу, никого не осуждаю — каждый имеет право на свободный выбор. Во-вторых, я не грешу черно-белым зрением, потому что мир не черно-белый, он полон оттенков, полутонов, перетеканий из цвета в цвет. Так что в чистом виде хорошее и плохое не существует. А если и бывает, то крайне ре-

дко. Я знаю про себя, что я не подличал, не предавал, всегда ценил искренние человеческие отношения, за добро платил той же монетой. Но в глубине души я не прощаю себе многое: какие-то уступки, компромиссы, которые кажутся сперва мелкими, незначительными, но оборачиваются душевными ранами, потерями... Это груз, от которого не избавишься...

— И все-таки ты считаешь себя счастливым человеком?

— Конечно. Во-первых, судьба подарила мне встречи с потрясающе интересными людьми. А во-вторых, и это главное, я получил возможность самовыражения. Через песни, через общение со зрителями. В каких только городах я не выступал — и у нас, и за рубежом. Другой доли, честное слово, не хочу. Выходит, я счастливый. А теперь вот — Москва, Концертный зал "Россия"...

— Волнуешься?

— Еще бы! Хотя в Москве я много пел. Но одно дело — в группе, другое — сольные концерты. Может, это комплекс провинциала, но, я думаю, для любого артиста такие выступления — высшая планка, мера мастерства.

Впрочем, волнение соседствует с грустью. Ведь я прощаюсь с частью своего прежнего имиджа, уходит в прошлое целый пласт жизни. Приближаясь к возрасту Христа, я вхожу в новое состояние, в какой-то новый виток жизни. Пока не знаю, что при этом утрачу, что приобрету. Но то, что это — перелом в судьбе, однозначно.

— Ну что ж, от себя, от всех почитателей. — ни пуха ни пера!

— В таких случаях следует посылать к черту, а у меня что-то язык не поворачивается...

— Тогда просто: удачи тебе, Вадим!

Вера АННЕНКОВА.